

О. В. Молчанова

Поэтика пограничного в творчестве Венедикта Ерофеева и Виктора Пелевина

Статья посвящена анализу пограничного пространства между Символическим и Реальным регистрами современной отечественной культуры. Ориентируясь на постпсихоаналитические теории, автор демонстрирует возможности исследования культуры в ее экстремальных проявлениях, которые обнаруживаются в текстах двух ярких представителей русского постмодернизма – Венедикта Ерофеева и Виктора Пелевина.

Ключевые слова: Символическое, Реальное, травма, пограничные зоны.

O. V. Molchanova

Boundary Poetics in Venedikt Yerofeev and Victor Pelevin's Creativity

This article analyzes the boundary space between the Symbolic and the Real registers of modern Russian culture. Focusing on the post-psychoanalysis theories, the author demonstrates the opportunities of studying the culture in its extreme manifestations, which can be found in the texts by two leading representatives of Russian postmodernism – Venedikt Yerofeev and Victor Pelevin.

Key words: the Symbolic, The Real, trauma, border zones.

В кризисные эпохи человечество острее воспринимает собственный экзистенциальный опыт; переживания настоящего перестают рассматриваться как нечто сиюминутное. XX век, весь сотканный из череды катастрофических и тревожных моментов, породил новый взгляд на проблему ценности настоящего, реального, повседневного.

Со времен Фрейда реальность человека в глазах исследователей приобретает очертания невроза, генезис которого лежит в глубоком детстве, в событиях, противоестественных с точки зрения взрослого индивида. Последователи психоаналитика, в том числе Ж. Лакан, увидели в этом выделении моделирующей нашу жизнь травмы возможность анализа человеческой реальности как существования в трех режимах-регистрах: Воображаемом, Символическом и собственно Реальном [6, с. 110–137].

Воображаемое и Символическое, оперирующие знаковыми системами, даны в ежедневном опыте человека. Именно эти регистры формируют повседневный мир, в котором существует «я» субъекта [15, с. 136]. Реальное же маркирует собой пограничную зону между тем, что мы воспринимаем, и теми экстремумами, которых мы хотим избежать и которые при этом имеют характер ориентирующих нас крайностей. Сталкиваясь с давящим Реальным, к которому могут относиться любые происшествия – невероятные

события общественно-политической истории или личные переживания, выбивающиеся за рамки приемлемого культурой, – мы теряем дар речи. Например, «интенсивные» события XX в., такие как потрясшие весь мир войны, на какое-то время лишили человечество языка. Об этих драматических периодах люди долгое время не могли говорить. И, даже пытаясь вписать их в историю, человечество, по возможности, прибегало к внеэмоциональным дискурсам. Примером подобного сознательного выбора дискурса, помогающего избежать острой конфронтации даже в ситуации обсуждения невероятных зверств и девиаций, можно считать Нюрнбергский процесс, прошедший со строгим соблюдением норм юридического права. При этом предоставление стороной обвинения видеоматериалов из концентрационных лагерей вряд ли можно назвать прорывом дискурса, поскольку фильмы зафиксировали подавление нашего мира травматическим Реальным, но не предоставили «языка говорения» об этом кощунственном вмешательстве.

Между тем, именно Реальное, то есть то, о чем, казалось бы, вообще невозможно написать или сказать, крайне ценно для человеческого опыта. С одной стороны, оно дано в виде тотальной совокупности: только сумма всех наиболее волнующих экстремумов очерчивает культурную картину мира. С другой стороны, Реальное есть исчезнувшее мгновение, след которого необхо-

димо поймать. Без дескрипции Катастрофы наступит Травма, погружающая носителей культуры в меланхолию [9, с. 42].

Фактически приближение к Реальному – всегда общение с трансцендентным. Потому коммуникация с таким притягательным и одновременно страшным открыта далеко не всем, но только особенно чутким людям, «ответственным» за язык культуры. Писатели, художники, музыканты, переживая экстатическое столкновение с Реальным, находят способ сохранения Символического. Они начинают говорить, «параксизмально» вписывать пугающие интензивы культуры в историю субъекта. В этот момент используемый язык, творческие интенции превращают авторов в действительных медиумов между людьми и страшщей тканью сущего [13, с. 14–15]. Пожалуй, в современной культуре такими посредниками могут выступать писатели-постмодернисты, чьи каббалистические возможности обнажают стыки между различными символическими реальностями. В образовавшихся прорехах нам, читателям, предлагается увидеть пограничные зоны Реального, формирующие наш узус.

Отечественные писатели-постмодернисты принадлежат к тому поколению пишущих, которое воспитывалось в условиях бесконечной чехарды искусственных, пропитанных идеологией, реальностей. Возможно, поэтому привычный в западной модификации постмодернизма карнавальный бриколаж дискурсов приобретает в русской литературе, прежде всего, привкус деконструкции языка власти, любого принуждения [14, с. 71].

Именно травестирование обломков советского, доставшихся авторам в наследство, помогает возводить вневременные концептуальные конструкции, погруженные в архаичное тело культуры. Представляя в своих текстах сюрреалистические абсурдные реальности, постмодернисты провоцируют читателей на любопытство [1, с. 271]. Если этот узнаваемый, пусть и шизоидный, мир, созданный писателем, так похож на мою повседневность, значит, границы литературного мира вполне совпадают с границами моего Символического. Тогда что лежит за границами этого, столь близкого мне, мира? Что есть границы меня, моей психической реальности?

Сырое, изначальное бытие человека, в русской культуре связанное с неким юродством, трансцендированием, – вот что интересует писателей-постмодернистов. В своем подчас шоки-

рующем творчестве они стараются указать читателям на границы Символического, которые есть лишь проекции нашего угнетенного сознания, своеобразный делирий [8, с. 65–68]. Наша реальность описывается ими как онтологическая и семантическая пустота, прикрытая наплывами ярких галлюцинаций, бредовых идей. Единственно близким человеку регистром существования оказывается «замалчиваемое» им самим Реальное, в котором находится некая высшая Истина культуры.

Разумеется, постмодернисты не претендуют на обладание единственно верным словом, высказыванием. Их Истина – элемент, вносящий возмущение, Вечное культуры, которое невозможно, но необходимо постичь для познания себя [10, с. 67]. Их творчество – либо речи юродивых, непривычные для уха неподготовленного читателя, либо коаны дзен, вообще закрытые для понимания и доступные только для сопереживания, со-Причастия. Писатель, говорящий о пограничном в культуре, оказывается травмированным субъектом, ибо он яснее всех осознает наличие пугающего Реального. Именно поэтому его речь изобилует фактическими изъяснениями и фантазмами – только их наличие может маркировать глубинную правдивость сообщения [7, с. 7]. Право, такая ситуация сегодня выглядит вполне закономерно. Перефразировав знаменитый афоризм Адорно, можно сказать, что ни поэзия, ни тем более реалистичная проза невозможны после всех испытаний XX в.

Как заметил Виктор Пелевин (писатель-постмодернист, пожалуй, наиболее полно осознающий зыбкость Символического), метафорой жизни современного человека служит мост понимания. Этот мост выполняет функции вопроса – частного, но очень важного случая коммуникации. Вопросание связывает нашу исходную позицию с «кластерами» ответов, то есть описывает, откуда и куда мы хотим двигаться, формирует нашу идентичность. Однако, если вдуматься, человек редко помнит границу, от которой он отталкивается, и не может видеть берегов, к которым он приближается. Целеустремленность субъекта навязана извне с помощью объективного насилия, то есть общественных норм, базовых для комфортного существования меньшинства. Впрочем, как считает Пелевин, это векторное движение по касательной всегда затрагивает *пограничные* зоны. Именно поэтому таким важным для писателя оказывается погружение в измененное состояние сознания, демонстрация архе-

типического, дарующего хотя бы частичное изучение различных аспектов реальности.

Генеалогию современного бытописания пограничных зон и, в какой-то мере, этиологию собственной поэтики маргинального Виктор Пелевин ведет от поэмы Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки» (1969–1970). В своем небольшом рассказе «Икстлан-Петушки» Пелевин утверждает: самым своим существованием Веничка дарит непосвященным способ познания идеи мира, души [12].

Достичь просветления Веничке и адептам его сотериологического «учения» помогают те психотропные средства, которые русской культурой легитимированы для выхода за границы обыденного мира. «Ханаанский бальзам», «Слеза комсомолки», «Сучий потрох», «Иорданские струи», «Поцелуй тети Клавы» – все эти сложные микстуры открывают неопиту глаза на символическую амальгаму, которая формирует минутное окосение души, именуемое жизнью [5, с. 78]. Полное трагизма повествование Ерофеева подтверждает: любое осознанно выбранное человеком направление движения («с севера на юг, с запада на восток, из конца в конец, насквозь и как попало») – лишь тщета, эфемерность и пустопорожность [5, с. 23]. В этих словах слышатся нотки голоса пророка-юродивого: вопросы человека отдают слишком узколобым «отчего», тогда как истинное понимание рождается только в сомнениях, муках [4, с. 303].

Веничка предлагает своим читателям самую доступную боль: «белую горячку», экстремальную реальность алкогольной интоксикации. Ерофеев потчует читателей Истиной в «денатурированном» виде, поскольку «самый большой грех по отношению к ближнему – говорить ему то, что он поймет с первого раза» [3, с. 279]. «Раздели со мной трапезу, Господи!» – предлагает Веничка, приглашая к жертвенному столу с четвертушкой водки и бутербродом и своих читателей [5, с. 36].

Ощущение сопричастности пограничному, по Ерофееву, рождается только у «пригвожденных – к кресту ли, к трактирной ли стойке». Сакральное, архаическое и оно же – сверхъестественное, Реальное наблюдаемой им культуры является человеку тогда, когда он достигает нужной «крепости» и «сахаристости» и осознает свое измененное по отношению к «жизнеспособной посредственности» состояние сознания [3, с. 336]. Лучше самого Ерофеева невозможно резюмировать ощущение этой связи регистров Символиче-

ского и Реального: «От любви к родине: расстройство чувств, нарушение координации, дрожь в руках, в висках боли» [3, с. 325].

Впрочем, поэма «Москва-Петушки» может предстать в виде якобы субъективного «хождение по мукам», опыта личностного обращения юродствующего писателя к сакральному. В то же время пьеса «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора» уже совершенно недвусмысленно трагивестирует ужасы той картины мира, которую мы все разделяем.

В этом произведении пациенты психиатрической клиники выглядят гораздо более нормальными людьми, нежели обслуживающий их персонал [2, с. 254]. Только шизофреники из 3 палаты замечают, как «дурнеют в русском народе нравственные принципы <...> Прежде, когда посреди разговора наступала внезапная тишина, – русский мужик говорил обычно: “Тихий ангел пролетел”... А теперь, в этом же случае: “Где-то милиционер издох!”» [2, с. 221]. Только они готовы признать, что окружающая их реальность – эфемерна, и единственно важным событием считают то, что связано с их переходом в сакральную Реальность, погружением в пограничную зону между трансцендентным и трансцендентальным:

«Доктор: Так когда же вас последний раз сюда доставляли?»

Гуревич: <...> Да, да, чтоб уж быть совсем точным: в тот день случилось событие, которое врезалось в память миллионов: та самая пустая винная посуда, которая до этого стоила 12 или 17 копеек – смотря, какая емкость, – так вот, в этот день она вся стала стоить 20.

Доктор: Так вы считаете, что в истории Советской России за минувшие пять лет не произошло события более знаменательного?»

Гуревич: Да нет, пожалуй... Не припомню... Не было» [2, с. 182–183].

Только эти «високосные люди», пребывающие постоянно в состоянии кататонического расстройства и алкогольного бреда, чувствуют семантическую пустоту конституируемой реальности. Они понимают, что на существование мира Символического сегодня повлиять уже невозможно, поэтому их кредо: «Я не очень верю, что вначале было Слово, но хоть какое-то задрипанное – оно должно быть в конце» [2, с. 199].

Было бы некорректным заявлять, что Виктору Пелевину как наследнику исследований погра-

ничного дано это «конечное» слово-заклинание русской культуры, открывающее границы между символическими мирами и единым Реальным. Впрочем, ему, ставшему одним из главных авторов периода трагического излома советской-постсоветской культуры, удалось подобрать такое слово, которое принадлежит архаическому отечественной культуры, объединяя все периоды существования одноименной цивилизации. Как элемент архетипического оно позволяет произносящему его человеку переноситься в запретное и обретать там свободу.

Это слово четко противопоставляется официальной постсоветской каббалистике, наследующей предыдущей эпохе. По мнению Пелевина, практическая коммунистическая каббалистика комбинаций классических тетраграмматов РКПБ и ВКПБ поместила миллионы людей в подавляющий и тоталитарный Символический регистр. Однако некое маргинальное с точки зрения официальной культуры меньшинство все же сохранило себя.

Каким образом? С помощью тех незамысловатых рецептов, которые предложил еще Венедикт Ерофеев, очень тонко чувствовавший русскую ментальность писателей: «Во-первых, действие каббалистических эманаций нейтрализуется алкоголем, во-вторых, для подавления каббалистической магии в русском языке существует один очень простой, но очень действенный триграмматон, который легко прочитать на стенке любого российского лифта» [11, с. 296].

Библиографический список

1. Генис, А. А. Пелевин: поле чудес [Текст] / А. А. Генис // Частный случай: филологическая проза. – М. : АСТ : Астрель, 2009. – 448 с.
2. Ерофеев, В. В. Вальпургиева ночь, или Шаги Командора [Текст] / В. В. Ерофеев // Собрание сочинений : в 2 т. – М. : Вагриус, 2007. – Т. 1. – С. 167–275.
3. Ерофеев, В. В. Из записных книжек [Текст] / В. В. Ерофеев // Собрание сочинений : в 2 т. – М. : Вагриус, 2007. – Т. 1. – С. 277–349.
4. Ерофеев, В. В. Из записных книжек [Текст] / В. В. Ерофеев // Собрание сочинений : в 2 т. – М. : Вагриус, 2007. – Т. 2. – С. 283–381.
5. Ерофеев, В. В. Москва-Петушки [Текст] / В. В. Ерофеев // Собрание сочинений : в 2 т. – М. : Вагриус, 2007. – Т. 1. – С. 19–166.
6. Жижек, С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом [Текст] / Славой Жижек ; перевод с англ. с. Кастальского. – М. : Европа, 2009. – 334 с.
7. Жижек, С. О насилии [Текст] / Славой Жижек ; перевод с англ. А. Смирнова, Е. Ляминой. – М. : Европа, 2010. – 178 с.
8. Зейгарник, Б. В. Патопсихология. Основы клинической диагностики и практики [Текст] : учеб. пособие / Б. В. Зейгарник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Эксмо, 2008. – 363 с.
9. Лакан, Ж. Введение в семинар Имена-Отца [Текст] / Жак Лакан // Имена-Отца ; перевод с фр. А. Черноглазова. – М. : Гнозис : Логос, 2006. – С. 51–81.
10. Мазин, В. Лакан и космос [Текст] / Виктор Мазин // Лакан и Космос / Айтен Юран, Владимир Рисков, Виктор Мазин, Александр Черноглазов ; под ред. В. Мазина, Г. Рогоняна. – СПб. : Алетейя, 2006. – С. 19–96.
11. Пелевин, В. О. ГКЧП как тетраграмматон [Текст] / В. О. Пелевин // Relics: ранее и неизданное. – М. : Эксмо, 2008. – С. 291–296.
12. Пелевин, В. О. Икстлан-Петушки [Текст] / В. О. Пелевин // Relics: ранее и неизданное. – М. : Эксмо, 2008. – С. 285–290.
13. Рисков, В. Жан Лакан: Out of space [Текст] / Владимир Рисков // Лакан и Космос / Айтен Юран, Владимир Рисков, Виктор Мазин, Александр Черноглазов ; под ред. В. Мазина, Г. Рогоняна. – СПб. : Алетейя, 2006. – С. 6–18.
14. Скоропанова, И. С. Русская постмодернистская литература [Текст] : учеб. пособие / И. С. Скоропанова. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 608 с.
15. Черноглазов, А. Иконография Реального [Текст] / Александр Черноглазов // Лакан и Космос / Айтен Юран, Владимир Рисков, Виктор Мазин, Александр Черноглазов ; под ред. В. Мазина, Г. Рогоняна. – СПб. : Алетейя, 2006. – С. 136–162.